
История и культура славянского мира

УДК 94(4)

ББК 63.3

Крючков Игорь Владимирович,
доктор исторических наук, профессор,
Северо-Кавказский федеральный университет,
Гуманитарный институт, ул. Пушкина 1, корп. 1,
355009 г. Ставрополь, Российская Федерация
E-mail: igory5@yandex.ru

ВЕНГЕРО-ХОРВАТСКИЙ КОНФЛИКТ В ДОНЕСЕНИЯХ РОССИЙСКИХ ДИПЛОМАТОВ В НАЧАЛЕ XX в.

Аннотация: В 1910-е гг. между работавшими в Венгерском королевстве российскими дипломатами наблюдались существенные расхождения в оценках деятельности хорватской оппозиции. Сотрудники генерального консульства в Будапеште негативно смотрели на планы хорватов добиться равноправия с австрийцами и венграми — так называемой триализации Австро-Венгерской монархии. Генеральный консул М. Приклонский полагал, что самым выгодным для России было бы, парадоксальным образом, сохранение дуализма, при котором немадьярские и ненемецкие народы чувствовали бы себя обделёнными и угнетёнными. Работники консульства в Фиуме (Риеке), воочию наблюдавшие процессы сближения югославян, напротив, видели в политических программах хорватов антимадьярскую и антигерманскую направленность, чем, по их мнению, Россия могла бы воспользоваться в собственных интересах. Политическая система дуализма образца 1867 г., с их точки зрения, служила главным тормозом для развития народов монархии, поэтому для их дальнейшего возрождения, настаивали дипломаты, следовало полностью изменить существовавший конституционный строй Австро-Венгрии.

Ключевые слова: российская дипломатия, Хорватия, сабор, оппозиция, бан, сербы, кризис, триализм.

После заключения Соглашения 1867 г. о реорганизации Австрийской империи в двуединую Австро-Венгерскую монархию политический вес Венгрии в новом государстве значительно возрос. Это не могло не сказаться на положении Хорватии, которая, являясь автономным королевством, была связана с Венгрией и, в её составе, с Австрией, персональной унией. В 1868 г. о многом по образцу соглашения между Веной и Пештом был оформлен договор между Пештом и Загребом [7]. Российская дипломатия, внимательно следившая за внутривенгерскими процессами в державе Габсбургов, традиционно уделяла «венгерским делам» большое внимание.

© Крючков И. В., 2014

Одно из центральных мест в деятельности российских эмиссаров в начале XX в. занимал анализ взаимоотношений Будапешта с Хорватией.

Как известно, на протяжении XIX в. венгеро-хорватские отношения ухудшались по мере того, как стремление национально ориентированной хорватской элиты к полному государственному суверенитету наталкивалось на нежелание венгерских политиков нарушить территориальную целостность земель Венгерской короны. Кульминацией стало вооружённое противостояние хорватов и венгров в революцию 1848 г. Компромиссное соглашение 1868 г. лишь на время отсрочило решение вопроса о свободном и независимом развитии Хорватии, но в 1903 г. венгеро-хорватский конфликт обострился с новой силой. Его причину генеральный консул России в Будапеште, князь А. Львов относил к общей неустроенности дел в Венгрии и провалу национальной политики Будапешта. Всё это стало результатом подавления прав национальных меньшинств и несовершенства политической системы страны [1, л. 79].

В данной связи А. Львов вспомнил и сербский погром 1902 г. в Хорватии. Для венгерских властей это должно было стать тревожным сигналом. Погром начался после того, как хорваты обвинили сербов в промадьярских настроениях. Хорватские националисты объединились вокруг лозунга финансовой независимости Триединого королевства (Хорватии, Славонии и Далмации). По мнению консула, ярко выраженные антимадьярские настроения в кругах хорватских националистов объяснялись тяжёлым экономическим положением, в котором находилась страна, а кризис, в свою очередь, во многом был вызван неопределённостью будущих взаимоотношений Венгрии и Хорватии. Важную роль в создании напряжённой ситуации в Хорватии сыграла нарастающая эмиграция хорватов в Северную Америку, что серьёзно беспокоило хорватские власти.

Дестабилизация положения в Триедином королевстве началась с введения венгерского языка на хорватских железных дорогах, и российское генеральное консульство находило этому своё объяснение. Прежде всего, данная мера напрямую задевала национальные чувства хорватов. В то же время железные дороги Триединого королевства служили местом «ссылки» для провинившихся служащих венгерских железных дорог. Жители Триединого королевства постоянно сталкивались с их грубостью и непрофессионализмом, что лишь подогревало антимадьярские настроения среди хорватов и приводило к нередким столкновениям пассажиров с железнодорожниками [1, л. 108]. Сеть железных дорог в Венгрии, в том числе на территории Триединого королевства, создавалась не в интересах Хорватии. Хорваты не могли даже добиться проведения железной дороги до Фиуме (ныне Риека — в Хорватии) напрямую. Всё это также раздражало хорватов и способствовало росту среди них радикальных настроений [7, 8].

Значительная часть интеллигенции сочувствовала идее «Великой Хорватии», и первым шагом на пути её достижения, по мнению консульства, должна была стать широкая экономическая и финансовая автономия Триединого королевства. Хорватская интеллигенция, на взгляд дипломатов, ненавидела мадьяр и стремилась данные настроения распространить среди широких слоёв населения. Правда, у рядовых

хорватов не было вражды к венграм, так как они, в силу автономии Триединого королевства, мало сталкивались с венгерской администрацией и их больше раздражала своя, доморощенная бюрократия. Венгерские врачи, предприниматели, адвокаты, ремесленники пользовались заслуженным уважением среди местных жителей, и не случайно во время беспорядков они не пострадали. Вся ненависть вылилась на сотрудников железных дорог [1, л. 108].

По мнению российских дипломатов, венгерские власти сознательно уменьшали размеры волнений в Хорватии и тщательно скрывали от общественности размах репрессивных мер, принимаемых против хорватского национального движения [1, л. 107]. При этом констатировался факт, что беспорядки не представляли серьезной угрозы для территориальной целостности Венгрии и что они непременно будут подавлены властями.

В это время многие политики в Австро-Венгрии и за её пределами связывали события в Хорватии с начавшимся в Венгрии парламентским кризисом [3]. Генеральное консульство аргументированно опровергало данные утверждения [1, л. 109]. Парламентский кризис был вызван противостоянием короны с венгерской национальной оппозицией из-за вопроса о статусе венгерского языка в императорско-королевской армии Австро-Венгрии и ряда других проблем. Противостояние Будапешта и Загреба, напротив, носило перманентный характер.

Для получения информации из первых рук князь А. Львов в июле 1903 г. добился аудиенции у венгерского премьер-министра Кароя Куэн-Хедервари. Во время встречи тот заверил консула, что беспорядки в Хорватии лишены серьезных оснований и в ближайшее время будут прекращены. Одновременно он признавал необходимость урегулирования финансовых взаимоотношений Венгрии и Триединого королевства [1, л. 118]. По сообщению Львова, венгерский политик постоянно делал реверансы в адрес славян и румын Венгрии, при этом подчёркивая необходимость укрепления единства страны и расширения сферы применения венгерского языка. Куэн-Хедервари заявил консулу следующее: «Никто не должен думать в стране, что интересы немадьярских народностей могут быть отделены от интересов мадьяризма. Существующая между теми и другими историческая связь столь прочна, что здесь все счастливы лишь тогда, когда процветают мадьяры, и что ослабление мадьяризма повлекло бы за собою упадок всех прочих элементов в стране» [1, л. 134].

Меры венгерского правительства по стабилизации экономического положения в Триедином королевстве российскими дипломатами оценивались противоречиво. С одной стороны, из бюджета страны действительно выделялось 3 млн крон на покрытие дефицита бюджета Хорватии. С другой стороны, она потеряла часть доходов после перевода выплат по потребительскому налогу из Загреба в Будапешт. Это лишь усиливало финансовую зависимость Хорватии от Венгрии [1, л. 279].

После некоторого затишья с сентября 1910 г. в Санкт-Петербург стали вновь поступать тревожные донесения из Загреба: обострились взаимоотношения бана (королевского наместника) Н. Томашича с сербо-хорватской коалицией. Причину этого дипломаты видели в его безуспешных попытках расколоть коалицию [1, л. 137].

Прежде всего, бан не выполнил прежде данные сербам обещания. Так, многие креатуры его предшественника П. Рауха по-прежнему занимали высокие должности, хотя Н. Томашич и обещал их сместить. Далее, не было реализовано на практике большинство обещанных реформ, не были прекращены преследования сербских политиков. Данные факты, по мнению русских дипломатов, свидетельствовали о крахе «нового курса» в Триедином королевстве. Это, впрочем, не помешало им обратить внимание на заявление бана перед избирателями г. Осиек (в венгерской традиции — Эсек), в котором он призывал к братскому согласию с Сербией и справедливому решению сербской проблемы. Но таким словам дипломаты уже не придавали серьёзного значения [1, л. 151].

Российское посольство в Вене попыталось подытожить результаты политики «нового курса» К. Куэн-Хедервари. По мнению дипломатов, все заигрывания венгерского правительства с национальными меньшинствами были не более чем тактической уловкой накануне парламентских выборов. После их завершения никто не собирался выполнять предвыборных обещаний [1, л. 184]. Ярким тому свидетельством являлась ситуация в Хорватии и Славонии, где сербо-хорватская коалиция выполнила все свои обещания, а бан проигнорировал выполнение большинства ранее взятых им на себя обязательств. Несмотря на все усилия, бану не удалось расколоть коалицию, тем более заручиться её поддержкой. Провал бана Н. Томашича, на взгляд автора депеши, заключался и в том, что он не учёл, как сами сербо-хорватские политики изменились в начала XX в. Это уже не были наивные дилетанты прошлого столетия [1, л. 185–186].

Здесь необходимо отдать должное российским дипломатам. Они всегда были склонны к идеализации национальных движений в империи Габсбургов, не замечая их слабостей и просчётов. Зато они уловили главную особенность национальных движений в Средней Европе на рубеже XIX–XX вв. и в прилегающих к ней регионам, а именно крайний радикализм и нежелание идти на компромиссы с умеренными кругами титульных наций. Поэтому угроза стабильности в регионе исходила не только от австро-немецких или венгерских националистов, но и от представителей всякого рода национальных движений.

На этой почве в конце 1911 г. среди дипломатических миссий России, работавших в Венгрии, произошла острая дискуссия. Консульство в Фиуме, анализируя итоги последних выборов в хорватский сабор, докладывало в Санкт-Петербург о грубом давлении правительства Венгрии на избирателей с целью проведения туда своих кандидатов. Эта информация просочилась на страницы российской прессы, где началась очередная антимадьярская кампания [4, № 157, с. 3; 5, № 243, с. 2, № 250, с. 3, № 263, с. 3; 6, № 102, с. 4]. Генеральное консульство в Будапеште было возмущено таким поворотом дел. В своей депеше оно обвиняло консульство в Фиуме в некомпетентности. По его мнению, события в Хорватии во время выборов развивались совершенно по другому сценарию. Действия правительства Венгрии не отличались от действий других европейских правительств, произвол оно не устраивало и тем более не прибегало к давлению на избирателей. Ввод войск на территорию Триединого королевства консульство считало вполне оправданным, так

как в нём готовились широкомасштабные беспорядки, что могло привести к срыву самих выборов. Даже несмотря на ввод войск, в некоторых местах беспорядки всё же произошли, но спровоцировала их в большинстве случаев именно оппозиция, которой так восхищался консул в Фиуме и российская пресса. Оппозиция сама прибегала к тактике распространения дезинформации и насилию, в том числе выдвигая антисемитские лозунги. Генеральное консульство отметило все зарегистрированные им факты неправомерных действий оппозиции в ряде населённых пунктов [1, л. 122].

В пользу того, что правительство Венгрии на выборах в Хорватии заняло в принципе лояльную позицию, на взгляд Генерального консульства, говорил хотя бы тот факт, что за национальную оппозицию проголосовали многие государственные чиновники, и никто из них не подвергся преследованию.

Заключение депеши получилось сенсационным. Конечно, это была абсолютно секретная информация. Генеральный консул в Будапеште полагал, что Загреб и Будапешт имели все основания не доверять хорватской национальной оппозиции и должны были принять все меры по защите территориальной целостности Венгрии. Более того, хорватская оппозиция для него — эта группа сепаратистов, стремившаяся с помощью триализма добиться присоединения Хорватии и Славонии к Австрии, что было бы ударом по интересам не одной только Венгрии [1, л. 123]. Это был бы удар по православному населению Венгрии и по интересам России, видевшей в православии основу для распространения своего влияния в Центрально- и Юго-Восточной Европе. Венгрия для консула — это страна, где национализм и стремление к ассимиляции национальных меньшинств были выражены слабо, поскольку восточным культурам (а Венгрия для консула — часть восточной цивилизации) присуща веротерпимость [1, л. 123]. Соответственно, Австрия в восприятии дипломата — это страна западной культуры, ориентированная на европеизацию и, как следствие, ассимиляцию всего инородного.

В 1911 г. консул в Будапеште ставил вопрос: следует ли России поддерживать хорватскую оппозицию и использовать её для ослабления Венгрии? Ответ был однозначным — нет! Консул допускал только одно условие, при котором стоило поддерживать хорватскую оппозицию, — это война с Австро-Венгрией, но она в ближайшей перспективе не планировалась. В целом, оппозиция рассматривалась как губитель православия, и оказывать ей помощь не стоило уже на этом основании [1, л. 123]. Отсюда напрашивался вывод, что консульству в Фиуме следовало быть избирательным в подборе союзников и друзей России.

Начало 1912 г. ознаменовалось отставкой Н. Томашича с должности бана. Генеральный консул в Будапеште М. Приклонский увидел в этом вполне закономерный шаг венгерского правительства, так как, по его мнению, Н. Томашич, забыв о своих прямых обязанностях, успешно решал финансовые проблемы ближайших родственников [1, л. 13]. О новом бане у консула была скудная информация. С. Цувай он называл честным и хорошим чиновником, хорватом, не говорящим по-венгерски. В то же время С. Цувай для М. Приклонского был человеком Куэн-Хедервари, сторонником политики мадьяризации. Консул позволил себе сделать предположение,

что С. Цувай скорее всего временная фигура, которую в ближайшее время сменит граф Пеячевич [1, л. 13].

Вскоре события в Хорватии стали развиваться довольно драматично. Королевство захлестнули беспорядки, правительство Венгрии временно ограничило автономию Триединого королевства, распустило сабор и учредило так называемый комиссариат. В России пошла новая волна обвинений в адрес венгерского правительства, что оно «загубило» автономию Хорватии и подавляет национальное движение югославянских народов [5, № 304, с. 3, № 306, Приложение, № 307, с. 3; 6, № 76, с. 2]. Шквал критики в адрес Будапешта захлестнул Францию, Великобританию и другие европейские страны.

В этих условиях М. Приклонский направил в Санкт-Петербург депешу, где истолковал события иначе. Он полагал, что во всех бедах Хорватии виновно не правительство Венгрии, а хорватские националисты, дестабилизировавшие ситуацию в крае, посеявшие среди населения панику и ощущение неуверенности в завтрашнем дне. Отсюда Будапешту ничего не оставалось, как учредить комиссариат. Сама эта мера прошла спокойно, население, уставшее от политических неурядиц, никак не отреагировало на призывы не повиноваться новой администрации [1, л. 27]. Таким образом, М. Приклонский считал учреждение комиссариата в Хорватии оправданным.

Своё неприятие действий хорватской оппозиции генеральный консул попытался конкретизировать в депеше от 16 июля 1912 г. Он чётко выразил отрицательное отношение к планам федерализации Австро-Венгрии, а триализм как раз явился бы первым шагом на пути федерализации империи Габсбургов. Почему М. Приклонский не мог допустить возможности кардинальной реформы владений Австрийского дома? С одной стороны, «...с образованием одного или двух государств западнославянского и югославянского, престиж России, как единой, великой славянской державы погиб бы невосвратно...», т. е. это привело бы к падению авторитета России в регионе и, прежде всего, среди славянского населения [1, л. 90]. М. Приклонский полагал, что угнетённые славяне более выгодны России в её противостоянии с Габсбургами, чем славяне, получившие от Вены свободу. С другой стороны, «Федерализация Австро-Венгрии может послужить сигналом для федерализации России» [1, л. 90]. М. Приклонский прямо говорит, что в условиях федерализации Дунайской империи малороссы (украинцы) и поляки России либо потянутся к Австро-Венгрии, либо потребуют таких же прав в рамках Российской империи.

Для М. Приклонского, парадоксальным образом, самый выгодный вариант развития Австро-Венгрии — это сохранение дуализма, при котором немадьярские и ненемецкие народы чувствуют себя обделёнными и угнетёнными. «Этот гнет, быть может, есть лучшая гарантия любви венгерских славян к России...», — отмечал он [1, л. 92]. Положение славян в Австрии, по мнению консула, связано с куда большими опасностями для России, нежели положение их собратьев в соседней Венгрии. Ведь славяне в Австрии получили значительные права и свободы. Чувство угнетённости у них начинало исчезать, а это уже удар по позициям России в Сред-

---

ней Европе. В Венгрии же положение с правами славянского населения, на взгляд консула, выглядело хуже, и это было хорошо для геополитических интересов Санкт-Петербурга, так как среди славян Венгрии симпатии к России могли развиваться и дальше.

В России и за её пределами в начале XX в. упорно ходили разговоры о постепенной славянизации Австро-Венгрии. М. Приклонский полагал, что славянизация Габсбургской империи опасна для России [1, л. 90]. Славянская Австро-Венгрия могла стать центром притяжения для всех славянских народов Европы, в том числе проживавших на территории России. Такие процессы, по его мнению, были выгодны только Франции в её извечном противостоянии с Германией.

Возникал вопрос: а что же является стратегической целью России в Средней Европе и прилегающих к ней регионах? М. Приклонский по этому поводу писал: «Их политические стремления (славян Австро-Венгрии. — *И. К.*) могли быть удовлетворены лишь тогда, когда и Россия одновременно могла бы удовлетворить окончательно требования своего национального развития. Достигнув своих предначертанных *исторических границ* (курсив мой. — *И. К.*)» [1, л. 92]. Одним словом, это предполагало экспансию России в Центрально-Восточной Европе и в районе Черноморских проливов с созданием, очевидно, славянских государств под контролем России. Об этом говорит и ремарка консула о том, что он против создания югославянского государства, если это не будет сделано по инициативе России [1, л. 90]. Взгляды М. Приклонского на проблему развития Австро-Венгрии и славян империи Габсбургов во многом отражали доминировавшие в российском обществе геополитические воззрения.

В хорватском варианте триализма российских дипломатов в 1912–1913 гг. пугало ещё одно обстоятельство. По их мнению, истинное значение триализма заключалось не в сохранении национальной, т. е. славянской самобытности хорватов, а в их отделении от Венгрии и присоединении к Австрии. Результатом этого стало бы «окатоличивание» и «хорватизация» населения в Хорватии, Боснии и Герцеговине с одновременным усилением католического клерикализма на Балканах [2, л. 20]. Россия не могла допустить гибели близкой ей по духу Сербской православной церкви. Кроме этого, ещё в 1909 г. консульство выразило сомнения в жизнеспособности государственного объединения южных славян в случае реализации идеи триализма. Во-первых, это привело бы к обострению противоречий между хорватами и сербами, во-вторых, данное государство не смогло бы существовать без экономической помощи Венгрии или Австрии [2, л. 15–16]. Таким образом, ни о какой поддержке Россией идеи триализма не могло быть и речи.

Однако в то же время из консульства в Фиуме постоянно приходили противоположные оценки триализма. Оно видело в нём прежде всего антимадыарскую и антигерманскую направленность, что Россия могла использовать в собственных интересах. «В Хорватии-Славонии все усилия славян направлены против мадыарской гегемонии, на всех поприщах общественной жизни», — отмечал в одной из депеш консул [2, л. 10]. Триализм для него был естественным результатом социально-экономического, политического и культурного развития южных славян.

Консул сообщал о постепенной славянизации Далмации, Истрии и других регионов. Особо он отмечал перелом в настроении хорватов, осознавших важность и необходимость союза с сербами, а это стало существенным фактором, способствовавшим успехам южных славян. В данной связи дипломат выделял ещё одного временного союзника в борьбе южных славян с Будапештом. Некоторые политические круги Вены, не сочувствуя южным славянам, были готовы их использовать в борьбе с Венгрией. Консул призывал не верить в искренность славянофильских сообщений некоторых австрийских политиков [2, л. 13]. Вену устраивал только триализм, предполагавший разрыв хорватов с сербами и ориентацию Триединого королевства на Австрию, а это не было выгодно ни южным славянам, ни России. В политической системе дуализма образца 1867 г. консул видел главный тормоз для развития южных славян [2, л. 12]. Поэтому для их дальнейшего возрождения следовало существовавший конституционный строй Австро-Венгрии полностью изменить.

Рассмотренный в статье материал позволяет сделать вывод, с каким пристальным вниманием российская внешняя политика следила за потенциально дезинтеграционными процессами в стане своего геополитического конкурента. Донесения русских дипломатов могут, в частности, служить удачным примером того, насколько содержание и выводы подобных документов зависели от степени информированности, круга информантов, задач и заданий, поступавших от руководства Министерства иностранных дел.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Архив внешней политики Российской империи. Ф. 151. Политархив. Оп. 482. Д. 578.
- 2 Архив внешней политики Российской империи. Ф. 217. Генеральное консульство в Будапеште. Оп. 1015. Ед. хр. 51.
- 3 *Исламов Т. М.* Политическая борьба в Венгрии накануне первой мировой войны, 1906–1914. М.: Наука, 1972. 411 с.
- 4 Кубанские областные ведомости. 1912.
- 5 Северокавказский край. 1912.
- 6 Терские ведомости. 1912.
- 7 *Фрейдзон В. И.* Борьба хорватского народа за национальную свободу. Подъем освободительного движения в 1859–1873 гг. История, идеология, политические партии. М.: Наука, 1970. 384 с.
- 8 *Фрейдзон В. И.* История Хорватии. Краткий очерк с древнейших времен до образования республики (1991 г.). М.: Алетейя, 2001. 298 с.

* * *

Kryuchkov, Igor Vladimirovich,

DSc in History, Professor,

North Caucasian Federal University, Institute for the Humanities,

Pushkina Str., 1/1, 355009 Stavropol, Russian Federation

E-mail: igory5@yandex.ru

HUNGARIAN-CROATIAN CONFLICT IN THE REPORTS OF RUSSIAN DIPLOMATS IN THE EARLY TWENTIETH CENTURY

Abstract: In the 1910es, Russian diplomats working in the Kingdom of Hungary disagreed in their judgements of the Croatian opposition activities. Those in the General Consulate in Budapest took a negative approach to the plans of Croats to claim their national equality with the Austrians and Hungarians (known as Trialism). Consul General M. Priklonsky believed that the most favourable for Russia scenario might be paradoxically the conservation of the Dualism, when non-Magyars and non-Germans felt deprived and suppressed. On the contrary, the staff of the Consulate in Fiume (Rieka), who witnessed the processes of rapprochement among the Southern Slavs, viewed the political programmes of the Croats aimed against Hungarians and Germans as possibly useful to Russia's interests. The political system of Dualism of 1867 remained in their eyes the main obstacle in the way of free development of the Monarchy's peoples, the diplomats insisted that the existing constitutional system of Austria-Hungary should be revised thoroughly.

Keywords: Russian diplomacy, Croatia, Sabor, opposition, viceroy, Serbs, crisis, Trialism.

REFERENCES

- 1 *Arkhiv vneshnei politiki Rossiiskoi imperii* [Foreign Policy Archives of the Russian Empire]. F. 151. Politarkhiv. Op. 482. D. 578. (In Russian, unpublished.)
- 2 *Arkhiv vneshnei politiki Rossiiskoi imperii* [Foreign Policy Archives of the Russian Empire]. F. 217. General'noe konsul'stvo v Budapeshte [Consulate General in Budapest]. Op. 1015. Ed. khr. 51. (In Russian, unpublished.)
- 3 Islamov T. M. *Politicheskaiia bor'ba v Vengrii nakanune pervoi mirovoi voiny, 1906–1914* [Political Struggle in Hungary before World War I, 1906–1914]. Moscow, Nauka Publ., 1972. 411 p.
- 4 *Kubanskii oblasti vedomosti* [Kuban regional statements]. 1912.
- 5 *Severokavkazskii krai* [The North Caucasus region]. 1912.
- 6 *Terskie vedomosti* [Terek statements]. 1912.
- 7 Freidzon V. I. *Bor'ba khovratskogo naroda za natsional'nuiu svobodu. Pod'em osvoboditel'nogo dvizheniia v 1859–1873 gg. Istoriia, ideologii, politicheskie partii* [The struggle of the Croatian people for national freedom. Upsurge of the liberation movement in 1859–1873. History, ideology, political parties]. Moscow, Nauka Publ., 1970. 384 p.
- 8 Freidzon V. I. *Istoriia Khorvatii. Kratkii ocherk s drevneishikh vremen do obrazovaniia respubliki (1991 g.)* [History of Croatia. A brief sketch from the earliest times to the formation of the Republic (1991)]. Moscow, Aleteia Publ., 2001. 298 p.